

МАЙ

ВЛАДИМИРСКИЙ

**СТРАНА
ЛЮБВИ**

МАЙ
ВЛАДИМИРСКИЙ

СТРАНА
ЛЮБВИ

Новозыбков
1998

ББК 57.1

С—17

М. Владимирский. Страна любви.

ISBN 5-88543-049-7

*Автор благодарит одноклассника
Сергея СИМУТИНА
за помощь в издании
данной книги.*

Я вспоминаю.
В пламени свечи.
Бегут года —
                                все прожитые дни.
Я не гоню их прочь
                                и не смеюсь над ними.
Они пришли в мой дом,
                                какими были.
Они пришли
                                все разом,
  не таясь
Неся в себе и радости и грязь.
Все то, что было в жизни на пути
Они с собой сегодня принесли.
И я, стоящий в пламени свечи
прошу у Бога: — «Ты меня прости.
Не прокляни, что иногда — порой
кривил я сердцем, разумом, душой.
Что иногда я забывал тебя —
не относясь, как должно, — не любя».

Я вспоминаю.
В пламени свечи
бегут года —
                                все прожитые дни.

Болят душа.

Душа страдает.

Едва дыша.

Она мечтает.

Взлететь над бытом,

суетой

И быть хоть битой, но живой.

Мечтает...

Но осенний лист

уже слетает сверху в низ.

Сжигаю листья белые,
как желтую листву.
Сжигаю листья белые.
Сжигаю на ветру.

Все с ветром перемелется.
И ветром унесет.
Все с ветром перемелется
И прошлое умрет.

Лишь в миг один покажется
Горит душа, горит.
И надо бы, покаяться
пока костер дымит.

И надо бы, и надо бы
не сжечь ее, не сжечь.
И надо бы, и надо бы
Сберечь ее, сберечь.

Но жгу я листья белые
как желтую листву.
Но жгу я листья белые.
Как время жжет судьбу.

Я помню первую любовь.
Я не забыл ее начало.
Тогда мелодия звучала —
без слов,
        про первую любовь.

Теперь, когда прошли года.
Когда не знаем, где мы оба.
Я говорю — «Любовь до гроба»,
Но жизнь — бегущая волна.

Я помню первую любовь.
Я не забыл ее начало.
Тогда мелодия звучала —
без слов,
        про первую любовь.

Звонки перебивают разговор
И оттого томительно и долго
Ловлю невольно я твой взор,
Который все ухватывает зорко.
Усталость,
        нервенность моих речей,
Задумчивость,
        которой ты не знала.
И оттого шепчу я все сильнее:—
«Ты без меня счастливее ведь стала?»
И в этом все —
        и радость,
                                и беда,
И мысль,
        что все уходит без возврата...
Нет,
        не забыть тебя уж никогда,
моей душе,
        что все ж не виновата.

Летящий снег,
тебе я рад.
Ведь жизни бег
есть путь утраг.
Лишь ты,
летящий с высоты,
Теряешь высь,
а не мечты.

Все о тебе.

Вновь о тебе
я думаю, сгорая,
что ты

живешь в моей душе
такая молодая
затем лишь, чтобы помнил я
с теченьем дней разлуки,
что я люблю одну тебя,
твой стан,

глаза

и руки

Прости за поздние слова,
прости меня.

Лишь время
мне помогло понять тебя,
о прошлом не жалея.

Без конца и без краю
остров любви.

Ты его,
ты его,
ты его посети.

Этот остров любви,
Этот остров любви.
В океане надежд,
в океане судьбы.

Вошла.
Я оторвался от книг,
От долгого чтения их.
Ты вошла — и это был миг
Только наш.
Только нас двоих.
Ты вошла —
и сплетение рук,
Наших губ в поцелуе страстном.
Утвердило,
что все вокруг
В этом мире, таком прекрасном,
Нам подвластно —
тебе и мне
Не на миг,
не на час —
на вечность...
Ты пришла ко мне по весне,
Чтоб идти со мной в бесконечность.

Был дождь.

Я шел
без шляпы и зонта
вперед туда,
куда звала душа,
туда, где верилось,
что все иное там...

Был дождь.

Я шел
по мукам и мечтам...

Но дождь прошел.
Как все переменялось!

Был дождь,
иль это мне приснилось?

Когда
года тебе не в радость
И одиночество твой хлеб.
Не говори, что это старость.
Ты просто напросто ослеп.
Твоя душа не видит света.
Огня любви. Тепла огня...
Твоя огромная планета
В затмени собственного «Я».

Я видел,
                                что капля упала
Из глаз ее,
                                из синева.

Я понял,
                                что больно ей стало:
— «Жестокий он все же»
— «И вы».

Ты плачешь,
  снова плачешь
И гонишь от себя,
Как будто точно знаешь —
«Я не твоя судьба».

И я переживаю
И в тишине ночной
Стихами вышиваю
Узор души шальной.

Ты плачешь,
  снова плачешь
И гонишь от себя,
Как будто точно знаешь —
«Я не твоя судьба».

Упала чашка расписная.
Та, что подарена тобой.
Упала б чашка, но другая
Не так бы мучился виной.

Не так бы ползал по паркету.
Не так осколки б собирал.
А взял бы веник и с налету
В совок без жалости сметал.

Разбилась чашка дорогая
На горе видно, на беду.
Разбилась. Только бы другая
Не так бы чувствовал вину.

Как хочется счастья.
А к счастью любви.
Но карты несчастья
На сердце легли.

И нету дороги —
Лишь боль да печаль,
А так же тревоги
Зовут меня в даль.

Поэтому, Боже,
Во мне сбереги
Хотя бы немного
огня для любви.

Я много.

Очень много
хочу сказать тебе.

Но слишком,

слишком строго

Они сказали мне:

— «Не смей и прикасаться

И даже подходить».

— «А если попрощаться?»

— «То только хоронить».

И вот уже не смею.

И вот гляжу во след.

Стою свечей и тлею.

И нет спасенья. Нет.

Я говорю,

но слов так мало.

Так мало слов,

что я молю,

Чтоб ты душою услышала,

Все то,

что сердцем говорю.

Слеза упала на струну
Слеза упала и запела
Про ту несчастную судьбу,
которой вовсе не хотела.

Слеза упала с глаз долой
И звук души моей раздался...

О жизнь натянутой струной
слезой своей я прикасался.

Цветы.

Измятые цветы.

Их помню я.

И помнишь ты.

Все помнишь.

Оттого сейчас

Ни рук разнять,

ни спрятать взгляд...

И пусть прошли.

Прошли года,

Что нам года — вода,

вода...

Цветы.

Измятые цветы.

Их помню я.

И помнишь ты.

Гаснет ночь воспоминаний.
Громких слов и восклицаний.

Гаснет ночь,
и белый свет
На вопрос дает ответ:

«Все проходит. Даже боль.
И любовь, любовь, любовь».

Пусть ты уйдешь —
ни холодно, ни жарко.
Как поезда уходят ты уйдешь
Не закричу вослед, что очень жалко
быть может счастье без меня найдешь.

Пусть ты уйдешь,
за далью лет растаяв,
Лишь иногда, с былым ко мне придя,
о жизни, о судьбе своей расскажешь,
и радости, и горя не тая.

Ты все забудешь наверняка.
И шелест трав и червяка.
И неба синь, и ночи свет.
Ты все забудешь. Поэта — НЕТ.

Его печали. Его глаза
Ты не забудешь наверняка.
Ты не забудешь его стихов.
Как не забудешь его шагов.

А может все же забудешь ты
— все неподаренные цветы.
Все неподаренные слова.
Ты ведь забудешь наверняка.

Что наша память? — не яркий свет
среди мечты, среди надежд.

— Желаю,
        веру и любовь храня,
Не вспоминать, как ангела меня.

— Желаю
        я
        желанью вопреки
не плыть тебе с течением реки.

— Желаю
        я
        желаниям твоим
сбываться,
        а не кланяться чужим.

— Ну, а желанье счастья?

— Пусть оно
сбывается с удачей за одно.

Как часто у порога
я вдруг остановясь,
подумаю: «Дорога
моя оборвалась».

Ведь, что в моем жилище —
земная пустота,
сплошное пепелище,
сплошная маета.

Но тут же рядом с мыслью
ты понимаешь враз,
что не духовной высью
наполнен ты сейчас.

Ведь просто в этом доме
тебя ни кто не ждет
и ты от этой боли
себе все лжешь и лжешь.

Как часто у порога
я, вдруг остановясь,
подумаю: «Дорога
моя оборвалась».

Моя измятая душа
Живет едва, едва дыша.

Мои измятые стихи
на пол некрашенный легли.

И все измятое мое
на годы камнем так легло.
Что иногда крича в ночи
я говорю душе — «Молчи».
Я говорю стихам — «Умрите.
В душе моей себя сожгите».

Кричу я Богу, небесам,
что умереть готов и сам.

Окно распахнуто,
как крылья
у птицы —
в это верю я.
И в ночь лечу я,
словно птица
окном своим из бытия.

Я все пою.

Я все еще пою.

И балагурю я,

и говорю...

Вот отчего приятен этот стих

Тому,

кто боль своей любви постиг.

Я все живу.

Я все еще живу.

И не во сне живу, а наяву.

Вот отчего приятная тень мне дня —

ведь не от дерева она, а от меня.

Чем дальше в жизнь,
Чем дальше в даль —
Тем неясней дорога.
Зачем живешь,
Что сердцу жаль
И от чего тревога?!

И почему друзья твои
уходят и уходят —
в былое,
                    в память,
                                    просто в дни,
которые проходят?!...

Листаю прошлое. Листаю
И, как во сне, я там летаю.
Как птица, вольно я лечу
Туда, куда душой хочу.

Вот дом.

Вот сад.

За ним овраг.

Там был всегда,

всегда был враг.

И я сбегая вниз оврага,

Кричал,

и палка, словно шпага,

в моих руках была тогда...

Но нет оврага. Нет меня.

Листаю прошлое. Листаю
И, как во сне, я там летаю.
Как птица, вольно я лечу
Туда, куда душой хочу.

На то и РОССИЯ
чтоб снегом мело.
На то и РОССИЯ
чтоб было бело.
Чтоб было вольготно.
Чтоб было тепло.
На то и РОССИЯ...
Но жить тяжело.
То войны, то склоки.
То тишь — благодать.
Короче мы волки.
Не дать и не взять.
Короче мы люди
без чести своей.
Мы люди на блюде —
Попробуй, посмей.
Укусим, зарежем.
И скажем смешно:
— «Об этом жалеем...
Но жить тяжело».

На то и РОССИЯ
Чтоб снегом мело.
На то и РОССИЯ
Чтоб было бело.

Как часто о любви слова
мы говорим без имени Христа.

И молимся за счастье бытия
мы под крестом,
без имени Христа.

Мы к Богу тянем руки в небеса
не видя крест — распятого Христа.
Не видя слез, не видя боли всей.
Мы молимся для радости своей.
Чтоб осудить и наказать того,
кто нас обидел, только и всего.

Как часто о любви слова
Мы говорим без имени Христа.

АФИНОГЕН

(историческая поэма)

В лесах болотистых и диких
народ отшельник поселясь,
в своих молитвах к Богу тихих
к расколу веры приобщась,
создав уют уединенья,
от суеты, тревог, ганенья,
став жить в лесном своем миру
обрел свободу — слободу.
И нареча ее Зыбкою
с речушкой тихою Карною,
молился, как душа хотела.
Но Русь шумела, Русь кипела.
Одних сжигали на кострах,
других в железных кандалах
сылали далеко в Сибирь —
ведь велика России ширь.

В каком неведомо году
пришел отшельник в слободу.
Красив и юн, при том умен,
как говорится все при нем.
Он знал латынь, французский знал
законы церкви признавал.
Он Патрикею приглянулся.
И тот душой к нему прильнулся.
А Патрикей слыл в слободе

как патриарх на сей Земле:
что скажет он, то так и будет.
Он мирит всех, он всех и судит.
И потому к Афиногену,
пришельцу, как и к Патрикею
народ тянулся всей душой,
и старый люд и молодой.

В то время Сытина войска
слободы рушили дотла.
И староверов вразумляли —
Единоверцами чтоб стали.
Так в Стародубье стал вопрос:
Епископ чтоб, великоросс
Был Стародубьем обретен
И сан духовный сохранен.
Об этом знал и Патрикей —
со всех слобод и рубежей —
послания слали, чтобы он
был в поиск этот посвящен.

С Афиногеном Патрикей
вел разговор, мол с рубежей
идут послания о том...
Епископ нужен и при том
Великоросс и старой веры,
и чтоб церковные манеры
мог исполнять и соблюдать...
Ведь мог бы ты таким и стать.
Но тот ушел от разговора.
— «Ведь нет проблем,
так нет и спора.

Мне нужно за рубеж бежать,
себя и веру сохранять.
Ведь если кто меня узнает,
тот от меня и пострадает».

В то ж время из-за рубежа
приехал Марко, всех прося,
послать попа из Стародубья
в места глухие, где безлюдье,
но где Борская слобода
старообрядцев ждет. Тогда
решили в слободе Зыбкой
Афиногена в край глухой
    послать, чтоб в качестве попа
вершил обряды там всегда.

И вот собравшись в дальний путь,
Решил он вере присягнуть.
Искусно службу поведя —
по-архиерейски он дитя
вдруг окрестил. Среди людей
пошла молва — он архиерей,
И знать, не зря наш Патрикей
открыто дружбою своей
давал понять, кто он таков
и из каких таких миров
пришел он в слободу Зыбкую.
Но Патрикей совсем иную
картину видел, потому
собрату, другу и купцу
открыл сомнения свои:
— «Ведь как же так, ты посу ди, —

Афиноген стал богатеть,
к царям Молдавским сети плестъ
и сеять смуту и раздор,
а это ж слободе позор.
При том епископство желать,
а мы не можем даже знать
в три ль погружения крещен,
и кем в миру был наречен».

И в скоре Патрикей узнал,
с кем дружбу вел и возвышал.

Афиноген был ключарем
и в краже был он обвинен.
И понял старый Патрикей
обман, и на глазах людей
сказал об этом, а за тем
он разослал посланья всем.

Печальность этого рассказа
так очевидна, как проказа
Вот почему всегда в Зыбкой
не всех с открытою душой
встречают даже в наши дни...
А в прочем сам о всем суди.

ОТ АВТОРА.

При написании данного произведения автор использовал материал произведения П. И. Мельникова (Андрей Печерский) «Очерки поповщины».

◆ СОДЕРЖАНИЕ ◆

«Я вспоминаю...»	3
«Болит душа...»	4
«Сжигаю листья белые...»	5
«Отсекла полуденная тень...»	6
«Я помню первую любовь...»	7
«Звонки перебивают разговор...»	8
«Летящий снег...»	9
«Все о тебе...»	10
«Без конца и без краю остров любви...»	11
«Вошла. Я оторвался от книг...»	12
«Был дождь...»	13
«Когда года тебе не в радость...»	14
«Я видел, что капля упала...»	15
«Ты плачешь, снова плачешь...»	16
«Упала чашка расписная...»	17
«Как хочется счастья...»	18
«Я много. Очень много...»	19
«Я говорю, но слов так мало...»	20
«Слеза упала на струну...»	21
«Цветы, измятые цветы...»	22
«Гаснет ночь воспоминаний...»	23
«Пусть ты уйдешь...»	24
«Ты все забудешь наверняка...»	25
«Желаю, Веру и Любовь храня...»	26
«Как часто у порога...»	27
«Моя измятая душа...»	28
«Окно распахнуто, как крылья...»	29
«Я все пою. Я все еще пою...»	30
«Чем дальше в жизнь...»	31
«Листаю прошлое, листаю...»	32
«На то и Россия...»	33
«Как часто о любви слова...»	34
«Афиноген» (историческая поэма)	35

Май Владимирский
СТРАНА ЛЮБВИ

Формат 60x84 ¹/₃₂. Печать офсетная. Усл. п. л. 2,21.

Тираж 400 экз. Заказ № 132.

Отпечатано в Новозыбковской гортипографии.

